

После обеда Тан Сяо отправился в общежитие, а Тан Тан осталась помогать Е Цичжэнь обустраиваться. Нужно было купить еще кучу мелочей для жизни, так что работы хватало на полдня.

Когда с делами было покончено, Е Цичжэнь пригласила Тан Тан в кондитерскую неподалеку от университета.

— Ты все еще дуешься на родителей из-за выбора специальности?

— Нет, — Е Цичжэнь легко улыбнулась.

Когда она решила поступать на журналистику, родители были категорически против: в семье не было ни связей, ни опыта в этой сфере. Из-за этого между ними возник серьезный конфликт. В итоге она все равно настояла на своем и подала документы на журфак. Внешне мягкая и уступчивая, в глубине души она была невероятно упрямой: если чего-то хотела, то добивалась, не идя на компромиссы.

Тан Тан считала, что эта специальность идеально подходит подруге — та была рассудительной и умела сопереживать. Тан Тан часто шутила, что медиаиндустрии нужны именно такие люди.

— Ну да, конечно, не дуешься. А чего тогда они сегодня тебя не проводили? — Тан Тан видела ее насквозь. — И сердце у них не дрогнуло отпустить тебя одну.

— В больнице сейчас завал, ты же знаешь, — Е Цичжэнь опустила голову. На губах играла улыбка, но в глазах промелькнула грусть. Она отправила в рот кусочек тирамису — десерт оказался не слишком вкусным, слишком горьким.

Тан Тан была прямолинейной:

— Ой, ну когда твоя сестра уезжала за границу, в какие бы дали она ни отправлялась, у них всегда находилось время проводить ее.

При упоминании сестры Е Цичжэнь словно укололи в самое больное место. Но когда она снова подняла взгляд на подругу, улыбка никуда не делась:

— Просто тогда у них было свободное время.

Е Цичжэнь улыбнулась. Ей было любопытно, что такое трепет в сердце? Тан Тан говорила, что баскетбольная площадка — лучшее место для подобных чувств. Е Цичжэнь частенько проходила мимо, иногда поглядывала на играющих парней, но ничего такого не ощущала — только запах пота от них казался ей неприятным.

— Ты что, до сих пор не прозрела? — Тан Тан задумалась и выдала фразу, которая звучала очень мудро, но по сути была бессмыслицей. — Как бы тебе сказать... Когда встретишь того

самого, сама поймешь.

По тону Тан Тан Е Цичжэнь сразу поняла, что ей звонит парень. Она многозначительно улыбнулась: трудно было представить, что вечно шумная и бесшабашная Тан Тан может быть такой нежной и кокетливой.

— Ты что, собираешься, как в старшей школе, снова с головой уйти в учебу? Сейчас университет, если кто-то приглянется, не отказывай человеку, — Тан Тан недоумевала: в школе за Е Цичжэнь бегало столько парней, и ни один не заставил ее сердце биться чаще.

Тан Тан сделала большой глоток холодного чая, подперла щеку рукой и задумчиво произнесла:

— Эх, университет, самое время для любви.

— Ты в университет пришла, чтобы любовью заниматься? — парировала Е Цичжэнь.

Она поддержала подругу и чокнулась с ней стаканом.

Е Цичжэнь с невинным видом спросила:

— А чего ты улыбаешься?

Она тоже подперла щеку рукой и начала водить трубочкой по кубикам льда в соке. Вдруг ей пришла в голову мысль, и она спросила:

— Тянь-Тянь, а что такое — чувствовать что-то особенное?

— Студентка Е, поздравляю тебя с тем, что ты все-таки поступила на журналистику. Давай, за это! — Тан Тан сменила тему на более радостную. Она умудрилась придать обычному стакану чая такой вид, будто они пьют крепкое спиртное.

Е Цичжэнь брезгливо отстранилась:

— Веди себя прилично.

Пока они шутили, зазвонил телефон Тан Тан. Она ответила:

— Я занята, чего ты торопишься?

Небо за окном затянулось тучами, но цикады продолжали шуметь.

— Завидуешь? — нагло спросила Тан Тан. — У Ли Чанлани в университете полно красавчиков. Какой типаж тебе нравится? Я присмотрюсь.

Тан Тан имела право рассуждать на эту тему: они с парнем начали симпатизировать друг другу еще в старшей школе, а как только сдали экзамены, сразу стали встречаться. Ли Чанлань учился в авиационном институте, где было полно видных парней. Тан Тан знала, что Е Цичжэнь красивая и умная, так что планку она точно не опустит.

Тан Тан состроила беспомощную гримасу — она не знала, действительно ли Е Цичжэнь все равно, или она только притворяется. Впрочем, они выросли вместе, и Тан Тан знала, что подруга с детства ко всему относилась философски.

— Такая милая девчонка, даже не знаю, кому в будущем достанется, — сказала Тан Тан и, пользуясь случаем, потрогала Е Цичжэнь за подбородок. — Слушай, а как тебе Тан Сяо? Может, подумаешь о том, чтобы стать моей невесткой?

— Е Цичжэнь, с тобой что-то не так! Я заметила, что ты ни разу не сказала, какой типаж парней тебе нравится, — Тан Тан нашла слабое место. Она уперлась локтями в стол и подалась вперед: — Признавайся, что тебе нравится, по-хорошему.

Коротко попрощавшись, Тан Тан впервые смущенно улыбнулась и спросила:

— Чего ты смеешься?

— Меньше беспокойся обо мне, — Е Цичжэнь ушла от ответа.

Какой типаж? Е Цичжэнь и сама не могла сказать, поэтому выдала универсальный ответ:

— Как судьба сложится.

— Скрытная, — Тан Тан прищурилась. Е Цичжэнь казалась солнечной и открытой, но в делах сердечных была настоящей партизанкой.

Е Цичжэнь не стала спорить, лишь поторопила:

— Ты же хотела уйти, как допьешь чай? Чего медлишь?

— Я тебе сегодня столько помогла, а ты меня так выпроваживаешь? — Тан Тан говорила это, но прекрасно понимала: Е Цичжэнь просто не хотела задерживать ее перед свиданием, ведь завтра начиналась военная подготовка, и вечер был единственным свободным временем.

— После подготовки с меня большой ужин, — пообещала Е Цичжэнь и протянула подруге салфетку, чтобы та вытерла крем с уголка рта.

Общежитие университета Z было рассчитано на четверых. Помимо Ло Бэй, соседками Е Цичжэнь были Чжэн Цяньюй и Лу Чжи. Их распределяли по специальностям, так что все они учились на журналистов и у них было много общих тем.

Ло Бэй и Чжэн Цяньюй оказались общительными, хотя Ло Бэй была более живой, а Чжэн Цяньюй напоминала старшую сестру. Лу Чжи, самая младшая из них, была тихой и замкнутой, говорила мало, но вела себя вежливо. Со всеми было легко найти общий язык.

Е Цичжэнь трудно было назвать однозначно общительной или замкнутой: с разговорчивыми людьми она болтала без умолку, а с молчаливыми — держалась скромнее. Она производила приятное впечатление, не будучи ни навязчивой, ни скованной.

— Мама, папа, я так по вам скучаю... — Ло Бэй разговаривала по видеосвязи, тихонько кокетничая с экраном.

К вечеру все начали звонить домой — удивительное единодушие. В первую ночь в университете все скучали по дому.

Только Е Цичжэнь, листая ленту в телефоне, оставалась невозмутимой. Она не собиралась звонить родителям. Тан Тан была права: она все еще была в ссоре с ними.

— Неужели ты не можешь быть хоть немного похожей на свою сестру?

— Я — это я. Почему я обязательно должна быть на нее похожа?

Это был их последний разговор перед отъездом. Впервые за все те годы, что она старалась быть послушной, Е Цичжэнь сорвалась.

Надо признать, это принесло облегчение.

Но сейчас, слушая, как другие разговаривают с родителями, она почувствовала неприятный укол в сердце. Она встала и сказала Чжэн Цяньюй:

— Цяньюй, я выйду ненадолго, скоро вернусь.

— Ты одна? — Чжэн Цяньюй обернулась. — Может, составить тебе компанию?

— Я договорилась встретиться с другом, — солгала Е Цичжэнь.

Выйдя из общежития, она направилась к южному стадиону. Она не собиралась бегать, просто хотела найти укромный уголок, чтобы побыть одной.

На стадионе люди гуляли или бегали трусой.

Трибуны пустовали. Е Цичжэнь поднялась и села на первый ряд. Ночь была безветренной, воздух — тяжелым и душным. Она посмотрела на небо: ни одной звезды, только плотные слои облаков.

На душе было тяжело. Может, она перегрелась на солнце? Голова кружилась. Е Цичжэнь обхватила колени руками, положила на них подбородок и сжалась в комочек, безразлично наблюдая за бегунами, наматывающими круг за кругом.

На самом деле она терпеть не могла одиночество, но при этом привыкла справляться со всем сама, и окружающим казалось, что ей это нравится. Иногда она думала: быть послушной — не всегда хорошо, а быть своенравной — не всегда плохо.

Голова кружилась все сильнее, и Е Цичжэнь спрятала лицо в коленях.

Вскоре глаза предательски увлажнились, и слезы потекли по щекам. Она плакала — из-за духоты, из-за внезапного одиночества, из-за физической слабости...

Все это были сущие пустяки.

Но когда они сложились вместе, она не выдержала. Просто хотелось плакать.

Е Цичжэнь шмыгнула носом. Все знали, что она любит улыбаться, но никто не знал, что она любит плакать — даже Тан Тан. Когда ей хотелось плакать, она пряталась, как сейчас.

У каждого свои трудности, и она не любила делиться негативом. А еще — слишком дорожила своей гордостью.

Слез у нее были близко, и если начинала, то не могла остановиться. Она не сдерживалась, тихо всхлипывая. Эмоциям нужен был выход, после слез всегда становилось легче.

На другом конце трибун появилась парочка — они прогуливались, о чем-то смеясь и обнимаясь. Е Цичжэнь украдкой взглянула на них и почувствовала укол зависти.

Она вспомнила слова Тан Тан: если встретишь того самого, поймешь, что такое трепет. Ей вдруг захотелось, чтобы этот день настал как можно скорее.

Может, она скоро его встретит? Е Цичжэнь, с покрасневшими глазами, смотрела на стадион, пытаясь утешить себя. Она плакала, но это не мешало ей оставаться оптимисткой.

Через некоторое время она вспомнила, что забыла салфетки. Она небрежно вытерла лицо тыльной стороной ладони — глаза и нос распухли и покраснели, слезы еще не высохли.

Она снова обхватила колени и уставилась на беговую дорожку. Вскоре она заметила пару стройных ног, которые становились все ближе. Сначала она не обратила внимания, но когда ноги остановились прямо перед ней, она вздрогнула и подняла взгляд, шмыгая носом.

Вэнь Юй пробежала уже кругов семь-восемь. Ее лицо покраснелось, по шее стекали капли пота. Она была в простом спортивном костюме, и при каждом вдохе красиво очерчивались ее ключицы.

Е Цичжэнь поверила в выражение «мир тесен». Она тут же отвернулась, чтобы Вэнь Юй не видела, в каком жалком состоянии она находится.

Слишком поздно.

Она точно все видела.

Вэнь Юй выровняла дыхание и опустила взгляд на профиль Е Цичжэнь — изящный, с налетом книжной утонченности.

Е Цичжэнь чувствовала на себе этот взгляд. Подстегиваемая гордостью, она резко повернулась и встретилась глазами с Вэнь Юй:

— Ты никогда не видела, как люди плачут?

Из-за слез голос звучал непривычно тонко и мягко, в нем не было ни капли уверенности, он дрожал. Она выглядела обиженной, как щенок, которого только что пнули.

Вэнь Юй на мгновение замерла, а потом невольно усмехнулась — это показалось ей странно милым.

Она действительно никогда не видела, чтобы Е Цичжэнь плакала. В ее памяти та всегда улыбалась, и Вэнь Юй была уверена, что студентка Е просто не умеет плакать.

Вэнь Юй никогда не интересовалась другими, но за Е Цичжэнь она следила. Не могла объяснить почему: может, потому что у этой девушки была слишком сладкая улыбка, а может, в ней было то, чему она сама завидовала.

Она снова смеется над ней! Е Цичжэнь часто заморгала, пытаясь прогнать слезы. Она уже приготовилась услышать колкость, но...

Вэнь Юй просто достала упаковку влажных салфеток, положила рядом с ней и тихо сказала:

— Вытрись.

Не дожидаясь ответа, она развернулась и побежала дальше. Она знала, что Е Цичжэнь ее недолюбливает, поэтому не стала задерживаться.

Е Цичжэнь ошарашенно смотрела на салфетки, а потом — на фигуру, растворяющуюся в ночной темноте.

Разве так ведут себя соперницы?

Кажется, она ее неправильно поняла...

<http://bllate.org/book/21472/2197110>